

УДК 811.111'221:81'221

ББК 81.2

ЛИНГВОСЕМИОЗИС ПАРЕМИЙ С СЕМАНТИКОЙ ПРОГНОЗА КАК НАРОДНЫХ ПРИМЕТ И СУЕВЕРИЙ

ЧЖУ ЦЗИНТАО

Киевский национальный лингвистический университет

В статье рассматриваются механизмы знакообразования паремий с семантикой прогноза, в основе которых лежат народные приметы и суеверия; подчеркивается, что сам процесс лингвосемиозиса данных языковых единиц отражает их инвариантно-вариантную природу, мотивированность, формульный характер, ассоциативность, ситуативность, темпоральность, а главное, что присуще всем языковым знакам, – единство плана выражения и плана содержания.

Ключевые слова: лингвосемиозис, паремии с семантикой прогноза, народные приметы, план выражения, план содержания.

The article examines the mechanisms of sign formation of paremias (proverbs) with the semantics of forecast based on folk beliefs and superstitions. It has been pointed out that the process of lingual semiosis of language units reflects their invariant-variant nature, motivation, formulaic character, associativity, situation and temporality. These language signs demonstrate the particular correlation between expression and content planes.

Keywords: lingual semiosis, paremias with the forecast semantics, folk beliefs, expression plane, content plane.

Современная когнитивная лингвокомпаративистика ориентирована на выполнение реконструкции языковых феноменов (Е.Л. Березович, Л.П. Дронова, А.В. Королёва, И.И. Серякова, С.М. Толстая, Г. Гуцгу и др.), в результате которой предполагается получить если не исчерпывающий, то хотя бы убедительный и перспективный ответ на два ключевых вопроса: 1) как сознание носителей каждого языка отражает явления окружающей действительности; 2) как и какие языковые знаки интерпретируют то, что наиболее важно для определенного этноса, а главное, какие механизмы положены в основу такого знакообразования.

Сформулированный теоретико-методологический вектор сравнительно-исторического и типологического языкознания направлен на рассмотрение общих проблем, связанных с дихотомиями: “язык и человек”, “человек в языке” [31], главной неофункциональной задачей которых является постижение языка в тесной связи с бытием человека – с человеческим сознанием, мышлением, культурой, предметно-практической и духовной деятельностью (Т. Аошуан). Следствием изменения методологии лингвистических исследований становится эксплицитное включение в онтологию языка универсума “Человек”. Безусловно, одной из важных составляющих сознания человека, которую лингвокомпаративисты пытаются реконструировать, является способность прогнозировать будущее и выражать его при помощи языковых знаков, и прежде всего, паремийных единиц, мотивированных народными приметами, суевериями, предсказаниями, предчувствиями и т.д. Такая постановка проблемы свидетельствует об актуальности данного исследования.

Цель статьи – реконструировать механизм лингвосемиозиса паремийных единиц с семантикой прогноза как народных примет и суеверий.

Народные приметы (далее – НП) являются артефактами (продуктами) народной мудрости, имеющими сложную семиотическую природу, где семантика прогноза реализуется в его разновидности – предсказании, – концентрируя, по словам Н. А. Андрамоновой, “знания опыта прошлых поколений, транслируемые для последующих представителей этноса” [3, с. 159].

Вера в НП, по мнению С.А. Токарева, представляет один из древнейших компонентов календарной обрядности, которая универсальна и присуща всем народам [24, с. 55]. Исходя из этого тезиса, НП определяют (Е.Г. Павлова [18, с. 294], Г.Л. Пермяков [19, с. 256], В.К. Харченко [30, с. 78], Н.Н. Фаттахова [28, с. 3–4] и др.) как клише-изречение, выполняющее прогностическую функцию, в основу знакообразования которого положена “связь между 1) явлениями природы, 2) свойствами предметов и 3) событиями человеческой жизни” [29, с. 14].

При этом важно подчеркнуть, что семиозис (процесс знакообразования) паремий с семантикой прогноза, рассматриваемых как НП, отражает, с одной стороны, философско-научный характер воплощения предсказания, исходя из которого прогноз “[...] определяется как вероятное научно обоснованное суждение о перспективах, возможных состояниях того или иного явления в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их осуществления” [22, с. 8], а с другой, – такие формы ненаучного предсказания (предвидения), как предчувствие и предугадывание, соотносимые с формами суеверий. Предчувствие, или “простое предвосхищение”, – это интуитивное предсказание; предугадывание, или “сложное предвосхищение”, – это предсказание, опирающееся на житейский опыт [там же, с. 7].

Объяснение такой точки зрения находим в работе Ефремовой Л. В. [10, с. 12], которая, ссылаясь на “Мифологический словарь” [16, с. 634–635], пишет о том, что феномен предсказания содержит “некоторые особенности мифологического сознания, хранящиеся на протяжении истории в массовом сознании наряду с элементами философского и научного знания параллельно с использованием строгой научной логики”. Пусть не в равных условиях, но вместе с научным знанием сосуществуют реликты мифологического (архаического) мышления, являющиеся непосредственным источником суеверий и позволяющие по одному явлению, играющему в конкретном случае роль признака-сигнала, предвидеть другое явление. Субъективное восприятие мира у суеверного человека размывает окружающую действительность, поэтому между реальностью и её отражением в мифологическом сознании сложно провести точную границу [10, с. 12]. В мифологическом сознании образуются новые реалии, которые закрепляются в мышлении как некий ориентир: *Если человек по одному стакану чай пьёт – быть ему одному*. Поэтому исследователи (в частности, Тонкова Е. Е.) включают термин “предсказание” в систему ключевых понятий “НП” и “суеверие”. При этом, данный вид речевого воздействия “носит обобщённый смысл и отражает также и подобные ситуации, например, ситуацию гадания, наблюдения, спиритического сеанса и т.д.” [26, с. 3]. Сферой употребления предсказаний, как правило, является разговорная речь. А.Ф. Оропай говорит о том, что, предсказывающий “имеет в своём распоряжении реальные конкретные данные, связь которых с будущим событием может быть не очевидной для остальных людей, и владеет средствами их обработки, результатом чего и является сам прогноз” [17, с. 95].

Итак, паремия как знак является одной из форм выражения предсказания, основанного и на НП, и на суевериях, поскольку в ней смоделирована определённая повторяющаяся ситуация, следствие которой проверено временем и опытом поколений, поэтому представлено как прогноз.

Особая роль в семиозисе НП принадлежит темпоральному компоненту, описывающему “временную соотнесенность” явлений природы, свойств предметов и сфер жизнедеятельности человека. Поэтому необходимо уточнить смысл понятия “временная соотнесенность”, которая, по мнению Н.Н. Фаттаховой, “связана с выражением значения постоянства, причем такой его разновидности, как расширенное время, не имеющее точной локализации. Две ситуации,

вступающие в условно-временную связь, могут иметь возможную конкретно-временную соотношенность, но при этом всегда в конкретном проявляется обобщенное, то есть, имеются в виду подобные ситуации, совершенные ранее [...]” [28, с. 38]. Этот знаковый компонент НП свидетельствует об инвариантно (обобщенная ситуация)-вариантной (конкретное ее выражение) логико-семиотической природе данных языковых образований.

Г.Л. Пермяков по этому поводу пишет, что “жизненная ситуация, послужившая мотивом для знакообразования паремийной единицы, является инвариантом, а образованная паремия, обозначающая эту ситуацию, – вариантом в виде логико-математической формулы “Если есть А, то следует ожидать В” эксплицитно либо имплицитно” [20, с. 5].

Еще в своих ранних работах по теории клише Г.Л. Пермяков [20, с. 136] отмечал, что пословицы и поговорки разных народов мира, описывающие одинаковые или сходные ситуации, близки друг к другу, несмотря на всю их этническую, географическую, историческую и языковую специфику. И, опираясь на эту позицию ученого-паремиолога, Т.С. Зевахина в своей работе “Метафора мертвая и живая: экспериментальный подход к паремиологии дунганского и китайского языков” [11, с. 153] предполагает, что “для всего национально-культурного социума и для всех его поколений задано относительно небольшое число образных высказываний, которые можно применить практически к бесконечному множеству конкретных ситуаций, осмысление которых определяется небольшим числом межфреймовых связей. Исследовательница выделяет 3 фрейма: образный фрейм (моделирующий структуру исходного ситуационного образа и задающий класс “стереотипных ситуаций”); окказиональные фреймы (отражающие структуру случаев конкретных ситуаций); обобщенный фрейм (структурирующий абстрактные знания о классе стереотипных ситуаций)” [там же, с. 154].

Временные координаты в НП (календарные праздники, дни недели, месяц года, время года, год) являются обязательным компонентом системы ожиданий. Прогностические формулы, связанные с экзистенциальными и прескриптивными предпосылками осуществления прогноза в НП, коррелируют с системой ожиданий: Если есть (нет) А – будет (не будет) В; если совершить (не совершить) А – последует (не последует) В [12, с. 75]. Структура паремийного знака со значением прогноза, или прогностической формулы, напоминает логическую импликацию (импликатуру, за М. Г. Гольцовой).

По наблюдениям М.Г. Гольцовой [7], вводя паремийный знак, основанный на НП, в свою речь, носители определенного языка демонстрируют, что их мнение опирается не только на собственные знания, но и на опыт целого народа. Употребляя паремию в речи, имеется в виду не только то, что говорится в буквальном смысле. Задача реципиента распознать то, что ему хотели передать. Таким образом, используя паремию в речи, адресант стимулирует собеседника к поиску дополнительных значений или импликатур. Г. Грайс считает, что коммуникативная импликатура должна быть выводимой. При определении коммуникативной импликатуры слушающий использует следующую информацию: 1) конвенциональное значение использованных слов и знание всех их референтов; 2) принцип кооперации и постулаты общения; 3) контекст высказывания; 4) фоновые знания; 5) предположение о том, что предыдущая релевантная информация известна обоим участникам коммуникации [8].

Именно временная константа в НП характеризуется цикличностью, отражающей мифологическое сознание архаичного человека, когда во времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст. Такую модель времени Е. Мелетинский назвал циклической, которая и отражена в НП [15, с. 253]. Выше уже речь шла о том, что НП являются реликтами в том числе и мифологического сознания. Как отмечает Ю.М. Лотман, культура, ориентированная на повторное воспроизведение текстов, требует особого устройства коллективной памяти, важное значение для которой имеют мнемонические символы, ориентированные на будущее [14, с. 5]. Именно такие мнемонические символы являются аломотивами значения и смысла в НП.

Это, прежде всего, те ключевые слова, которые являются знакообразующими в структуре паремийных единиц с семантикой прогноза. Они непосредственно кодируют информацию, впоследствии (в будущем) ставшую НП или послужившую источником суеверий. Как утверждает Н. А. Агапова, ключевые слова выполняют роль носителей культурной информации и мотивационной основы, выстраивающей весь текст приметы [2, с. 8]. Исследовательница приводит в роли ключевого слова лексему *зеркало*: *Зеркало в помещении, где покойник, завешивают, – а то, говорят, еще покойник будет в доме*, служащую мотиватором прогноза и смысловым ядром приметы – “важно то, что закрывать нужно именно зеркало, а не окно или что-либо еще; если убрать слово *зеркало* из приметы или заменить его другим словом, текст рухнет, а сама примета утрачивает смысл” [там же, с. 9]. Кроме этого, основным смыслообразующим компонентом паремийного знака является мотив ожидания: если повесить зеркало (в соответствии с формулой “Если совершить А – то не последует В”), то следующего покойника не будет (т.е. временной компонент: то, что произойдет / не произойдет в будущем).

Упомянутое выше предположение о мнемонических символах, ориентированных на будущее, на его прогноз, подтверждается и в других собранных Н. А. Агаповой примерах с ключевым словом *зеркало* – вместилищем информации культурного характера: *Перед сном в зеркало нельзя смотреться – кошмары приснятся; Если беременная женщина часто смотрит в зеркало – у нее может родиться двойня; Жениху и невесте нельзя вместе смотреть в зеркало до свадьбы – расстанутся* [2, с. 9]. О символике зеркала в традиционных славянских верованиях и обрядах писала С. М. Толстая [25].

В роли аргумента по поводу ключевых слов как одного из наиболее важных механизмов паремийного знакообразования можно привести высказывание О. Ю. Печёнкиной, которая считает, что “поговорки являются стереотипами народного сознания, константами видения мира и миропонимания целого этноса, отражающими народную культуру не только как целостные знаки, но и единицами своего состава [...]” [21, с. 8–9].

Экспликация смысла НП-суеверий реализуется в виде моно- и полипредикативных конструкций, обладающих вариативным набором лексических, морфологических и синтаксических средств, разнообразным коммуникативным и модальным смыслом, однако при наличии различных коммуникативной и модальной рамок (модуса) пропозитивное содержание паремий (диктум) остается единым, в данном случае организованным вокруг ключевого культурно-символического и семантико-мотивационного компонента – *зеркало*.

Объективную семантическую константу НП составляет ее глубинное содержание, которое можно представить в виде следующей пропозиции: “Совершение / несвершение физического / ментального / вербального действия с учетом некоторых обстоятельств прогнозирует то, что может случиться в будущем”. Данное пропозитивное содержание образует стабильное семантическое ядро любой НП. Таким образом, смысловую структуру НП представляют пропозиционально-когнитивный и коммуникативно-прагматический компоненты, каждый из которых выполняет определенную роль в ее знакообразовании. Центральным в порождении и интерпретации НП является пропозиционально-когнитивный компонент, в ядерной зоне которого располагается пропозиция, моделирующая инвариант значения паремии. Благодаря коммуникативно-прагматическому компоненту семантики НП осуществляется актуализация ассоциативных связей со стандартными коммуникативно-прагматическими ситуациями, моделируемыми на основе ключевого символа, информация о прогнозе (предсказании) которых представлена в интерпретационной зоне паремийного знака.

Прокомментируем примеры с ключевым мотиватором семантики прогноза – лексемой *кошка*, приведенные в статье Н. А. Агаповой [2, с. 9], которая отмечает, что этот символ вызывает

в сознании носителей русского языка различные ассоциации, и если субъект восприятия является приметоносителем и знает одну или несколько примет с этим словом, то они возникнут в его сознании – в первую очередь или периферийно.

Каким же образом работает механизм знакообозначения, когда паремия с ключевым словом становится знаком, обозначающим определенную ситуацию? Например, человек, пишет Н. А. Агапова [2, с. 9], впервые встретившийся с приметой *Кошка снится – к слезам*, интуитивно сам вычленяет в ней ключевой символ и запоминает примету именно по этому слову; столкнувшись же с обозначенной ситуацией, он будет связывать эту ситуацию и ее интерпретацию в примете именно через слово-символ. Но этот механизм не сработает, если ему приснится, например, собака. Ключевое слово *кошка*, таким образом, является мотиватором, связывающим жизненную ситуацию и существующую примету.

Данный механизм (событие (видеть сон) > ключевое слово (кошка во сне) > прогноз (к слезам) позволяет классифицировать паремийные знаки, объединяя их в логико-семиотические группы на основе разных ситуаций. Так, абстрактная ситуация “поведение животного” конкретизируется такими ситуациями, как “кошка лежит”, “кошка катается” и актуализируется в сознании приметоносителей с метеорологическими явлениями: в этом случае предпринимается попытка предсказать, какая будет погода: *Кошка на печи – к стуже, а кошка на полу – к теплу; Кошка садится на подоконнике и смотрит в окно – на тепло; Если кошка крутится, переворачивается – будет перемена погоды* [2, с. 9].

Итак, основным экстралингвистическим источником для языкового знакообразования паремии с семантикой прогноза служит жизненная ситуация и опыт представителей определенной культуры в номинации таких ситуаций, где основополагающая роль принадлежит словам-символам, стающими народными приметами и суевериями. Сама ситуация является, за словами Г. Л. Пермякова [20, с. 7], инвариантом, а паремийный знак одним из ее вариантов. При этом вариантность паремийных знаков как еще одна их семиотическая характеристика связывается исследователями с понятием дублетности, которую Н.А. Агапова рассматривает как их способность существовать одновременно в нескольких вариантах, различных либо по форме (в этом случае их объединяет общее содержание), либо по содержанию (объединяет форма) [2, с. 10].

Дублетность касается как собственно ключевого слова-символа, так и в целом паремийного знака. В первом случае имеет место формальная дублетность, при которой содержание и семантика паремии сохраняются, а вариантным является только сам символ-примета, ключевая лексема: *Воробей/иволга/птица в избу влетел(а) через окно – слышать о покойнике* [2, с. 10]. Во втором случае проявляется содержательная дублетность паремийных знаков, когда разные по содержанию паремии обозначают одну и ту же ситуацию, например, для обозначения одного и того же инварианта – несчастья в разных языках (да и в одном языке) существуют такие варианты: кит. 竹子开花兆灾 (бамбук расцвёл – быть несчастью); русс. *Разбить зеркало – к несчастью*. В одном языке, к примеру, прогноз на семейное согласие, на семейное счастье содержат такие дублетные паремийные знаки, или же варианты, как: *На свадьбу нужно надевать старые туфли – на счастье; Молодым, чтобы были дружны между собой, и брак был крепким, нужно вставить на полотенце*.

Подводя итог рассмотрения проблемы механизмов знакообразования паремий с семантикой прогноза, можем зафиксировать такие составляющие процесса их лингвосомиозиса: 1) *мотивированность* – наличие мотива (т.е. самой народной приметы) для процесса наименования ситуации, связанной с прогнозом, способного сохранить культурный код; 2) *ситуативность* – способность паремий как знаков обозначать и моделировать жизненные ситуации, в которых содержится прогноз будущих событий, явлений, фактов, действий и т.д., проявляя в них свой культурный потенциал; 3) *ассоциативность* – способность знакопаремий устанавливать связи между народными приметами, суевериями и явлениями природы,

и свойствами предметов; 4) *вариантность*, связанная со способностью как паремийного знака в целом, так и его ключевых слов-символов существовать в нескольких вариантах/дублетах; 5) *прогностическая формульность* (если есть (нет) А – будет (не будет) В; если совершить (не совершить) А – последует (не последует)); 6) *темпоральность* – основная способность паремийных знаков прогнозировать будущее.

Исходя из основных механизмов знакообразования паремий с семантикой прогноза следует подчеркнуть, что этим единицам присуща самая главная характеристика языкового знака – единство плана выражения и плана содержания, которые соотносимы с фрагментами внеязыковой действительности.

Перспективами дальнейших исследований является разработка инвариантно-вариантной классификации паремийных знаков с семантикой прогноза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова О. Б. Пословица как языковой знак с текстовыми функциями и его реализация в речевом акте / О. Б. Абакумова [и др.] // Слово. Предложение. Текст : [Коллективная монография]. – Орел : ГОУ ВПО “ОГУ”, 2009. – С. 11–18.
2. Агапова Н.А. Ключевое слово народной приметы: статус, свойства, специфика (лингвокультурологический аспект) / Н.А. Агапова // Вестник Томского государственного университета филология. – Томск, 2012. – № 365. – С. 7–10.
3. Андрамонова Н.А. Семантика предсказания в языке произведений А.С. Пушкина / Н.А. Андрамонова // Ученые записки Казанского университета. А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков. – Казань : КГУ, 1998. – Т. 136. – С. 159–164.
4. Аошуан Т. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
5. Асеева И.А. Философская рефлексия будущего (на материале русской философии рубежа XIX–XX вв.) / И.А. Асеева // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 52–58.
6. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Елена Львовна Березович. – М. : “Индрик”, 2007. – 600 с. – (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
7. Гольцова М.Г. Виведення імплікатур в англійській та українській мовах: логіко-прагматичний та контрастивний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.17 / Маріанна Геннадіївна Гольцова. – К., 2016. – 221 с.
8. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
9. Дронова Л.П. Реконструкция в компаративистике и когнитивной лингвистике / Л.П. Дронова // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. – Томск : Издательство Томского государственного ун-та, 2012. – № 4(20). – С. 24–31.
10. Ефремова Л.В. Грамматические и функционально-семантические особенности предсказания (на материале русских пословиц) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Людмила Васильевна Ефремова. – М., 2015. – 182 с.
11. Зевахина Т.С. Метафора мертвая и живая: экспериментальный подход к паремиологии дунганского и китайского языков // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : [Труды международного семинара ‘Диалог 2002’]. – М., 2002. – Т. I. – С. 154–162.
12. Иванова Н.Н. Примета // Русские паремии : новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения : [коллективная монография] / [под ред. Т.Г. Никитиной]. – Псков : ПГПУ, 2008. – С. 75–144.
13. Корольова А.В. Когнітивна лінгвокомпаративістика: від реконструкції прамовних форм до реконструкції структур свідомості / А.В. Корольова // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія / [гол. ред. А.В. Корольова]. – К. : Вид. центр КНЛУ. – 2014. – Т. 17. – № 2. – С. 94–101.

14. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур / Ю.М. Лотман // Языки культуры и проблемы переводимости. – М. : Наука, 1987. – 256 с.
15. Мелетинский Е.М. Время мифическое / Е.М. Мелетинский // Мифы народов мира / [под ред. С. А. Токарева]. – М. : Сов. энциклопедия, 1991. – С. 252–253.
16. Мифологический словарь / [гл. ред. Е.М. Мелетинский]. – М. : “Сов. энциклопедия”, 1990. – 672 с.
17. Оропай А.Ф. Утопия в аспекте модальности пророчества и прогноз / А.Ф. Оропай // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – Вып. 127. – С. 94–100.
18. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет / Е.Г. Павлова // Паремииологические исследования : [сб. ст.]. – М. : Наука, 1984. – 320 с. – С. 295–298.
19. Пермяков Г. К вопросу о структуре паремииологического фонда // Типологическое исследование по фольклору : [сб. ст. памяти В.Я. Проппа]. – М., 1975. – С. 247–274.
20. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Григорий Львович Пермяков. – М. : Изд-во “Лабиринт”, 2001. – 624 с.
21. Печенкина О.Ю. Содержание концептов Бог и Судьба в текстах пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.Ю. Печенкина. – Брянск, 2001. – 277 с.
22. Рабочая книга по прогнозированию / [редкол.: И.В. Бестужев-Лада (отв. ред.)]. – М. : “Мысль”, 1982. – 430 с.
23. Серакова І.І. Соматикон англословних дискурсивних практик : автореф. дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови”, 10.02.15 “Загальне мовознавство” / І.І. Серакова. – К., 2012. – 34 с.
24. Токарев С.А. Приметы и гадания / С.А. Токарев // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М. : Наука, 1983. – С. 55–67.
25. Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах / С.М. Толстая; [отв. ред. Н.И. Толстой] // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. – М. : Наука, 1994. – С. 111–125.
26. Тонкова Е.Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии : дисс. ... канд. филол. наук спец. 10.02.01 “Русский язык” / Елена Евгеньевна Тонкова. – Белгород, 2007. – 189 с.
27. Фаттахова Н.Н. Народные приметы в разноструктурных языках : [монография] / Н.Н. Фаттахова, М.А. Кулькова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 248 с.
28. Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках : сопоставительный аспект : [монография] / Наиля Нурыйхановна Фаттахова. – Казань : МОиН РТ, 2002. – 402 с.
29. Харченко В.К. Лингвистика народной приметы. [монография] / В.К. Харченко, Е.Е. Тонкова. – Белгород : Изд-во ОАО “Белгор. обл. тип.”, 2008. – 224 с.
30. Харченко В.К. Язык народной приметы / В.К. Харченко // Русский язык в школе. – М., 1992. – № 1. – С. 78–82.
31. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л. В. Сахарный : [коллективная монография]. – М. : Наука, 1991. – 240 с.
32. Györy G. A cognitive approach to the methodology of semantic reconstruction / G. Györy, I. Hegeđűs // Current Methods in Historical Semantics / [eds K. Allan, J.A. Robinson]. – Berlin, N. Y. : Mouton de Gruyter, 2012. – P. 313–334.

Дата надходження до редакції 13.05.2016